

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗЕРЦАНИЯ МИРА В СЕРБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛИТИЙ

Наталья В. Халина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Key words: metahistory, Slav's semantic continuum, imagination.

Summary: The article is devoted to the metahistory of the modern Slavs which is created in the works by M. Pavich and G. Petrovich. The main constructive element of their metahistory conception is reflecting thought which in slav's culture is the result of parts jettity of slav's semantic continuum. Permanent change of it's extent is ruled by principle of God's imagination, connected three main activities of organic nature. This principle allows to create the special history of the matter so called universal.

The principle of imagination determines the world contemplation perspectives in Serbian art culture. Imagination principle in Pavich's and Petrovich's works includes the following elements: 1) combination of absolute and limited; 2) remaking of universum as fantasy world; 3) acknowledgment the main activities of nonorganic nature as world space dimensions; 4) acknowledgment sensibility, excitability and productive force as world time dimensions; 5) the beings in derivative world have the states which don't repeat in other environment; 6) in derivative world interval between events is impotent when gravitation, electromagnetic forces are not actual; 7) the history of matter is described by events repeating in works of art culture; 8) the event is understood as series of space and time points marks the reflecting thought as represent of man's life.

The principle of imagination courses the topologic mechanism of influence from future to past what assumes the change of topologic invariants dynamic system external space/ The teleological determination calls forth the construction of art text in Slav's culture.

«Мы живем в мире, наэлектризованном динамикой контактов и столкновений различных этносов, культур, политических, религиозных и других конфессий. Адекватным отражением этой глобальной «жизненной» и коммуникативной ситуации, несомненно, являются тексты (не только художественные), отличающиеся значительной гетерогенностью и многосторонней дифференцированностью своей структуры» (Гоффманова, 2002: 394). Нам хотелось обратить внимание на коммуникативную ситуацию новой культуры, культуры contemporary, прежде всего на

произведения сербской культуры, в которой, на наш взгляд, проявляется рекуррентность семантических циклов славянской истории.

Основным свойством коммуникативного процесса славянской истории следует признать иерархию равновесий, в зависимости от которой проявляется различная рекуррентность языковых циклов. Последняя обнаруживается в том, что лексико-семантический континуум, перейдя на определенных условиях равновесия на следующую (закономерную и неизбежную) ступень своего развития, при других условиях равновесия как бы возвращается соответственно на одну, две и т.д. ступени назад (Маковский, 1980).

Траектория развития сербской культуры и сербского литературного языка в своей истории непосредственно сопрягалась с динамическими процессами русской культуры. Как отмечал В.В. Виноградов, из 700-800 сочинений, вышедших до 1830 г., только сотни книг (а то и меньше) было написано на родном сербском языке; все остальные составлены на славянско-русско-сербском (Виноградов, 1945). Павел Соларич, сербский писатель начала XIX в., сопоставляя сербский язык с русским, писал: «Всякому свой язык, будь он мягкий или грубый, кажется самым удобным и самым лучшим, – это естественно; но говоря беспристрастно, как между коренными языками, так и между наречиями одного коренного языка, одно должно одержать победу над всеми другими. Между наречиями языка славянского российское в письменности самое совершенное, а сербское – самое мягкое» (Кулаковский, 1882: 189). Сочетание в иерархии равновесий славянской истории совершенства и мягкости, «уравновешивание» функционального (русского) и протяженного (сербского) развертывания лексико-семантических континуумов славянской культуры достигается в произведениях Милорада Павича и Горана Петровича. В их произведениях создается интерпретация развития человечества, включающая человеческие судьбы, сегодняшний мир в его подлинном виде и будущий ход событий, т.е. создается метаистория современных славян.

Метаистория требует приверженности одной концепции, определяющей её формы (Гош, 2000), которая в современной славянской художественной культуре выступает в качестве системы принципов конструирования материи. Конструирование материи, свойства которой сводимы к соотношению первичных сил, определяется как общая дедукция динамического процесса, в основе которого лежат общие и первоначальные силы притяжения и отталкивания (Шеллинг, 1999). Границы действия первоначальных

сил, в соответствии с теорией Ф.В. Шеллинга, суть не что иное, как границы материальных предметов.

Границы тела, как и его внутреннее строение, состоят из фиксированных точек притяжения и отталкивания, в которых происходит развертывание лексико-семантической системы. Так, в романе Горана Петровича «Атлас, составленный небом» (Петрович, 1997) в сегменте «Господин Половский» границы материального предмета («загадочная девушка») как границы действия первоначальных сил представлены фиксированными точками: *первые лучи солнца; в полоборота; чарующая игра мягкого утреннего света; позолоченные зернышки; веселье птиц; щебет перемещается; старше становится день; променад радости; танцую в воздухе, неутомимо кружит и летом, и зимой одна и та же бабочка*. Физически реальный способ различения этих точек, точек пространства-времени, может быть основан только на реальных событиях, происходящих в этих точках (Блохинцев, 1980), к которым следует причислить в романе Г. Петровича синтагму *Он здесь для того, чтобы ждать*. Приписывание каждому событию координат определяется как арифметизация точек пространства-времени (Блохинцев, 1980), своеобразная фиксация изменения протяженности, состава, позиции, функционального статуса отдельных элементов, ведущая к возникновению языкового континуума, который имеет структурную значимость в пределах этого же ряда, или внутреннего продукта, в соответствии с концепцией М.М. Маковского (Маковский, 1980). Приписывание координат событию есть определение границ тела, разграничение светового и теневого образов материального предмета, траекторного и вероятностного описания движения. Образец использования вероятностного метода при конструировании материи использован Милорадом Павичем («Шляпа из рыбьей чешуи»): *«Мысли – всего лишь приправа к душе», – заключил он и снова, как в молодости, начал читать подряд все надписи. Будто что-то искал. И нашел. В одной купальне он прочел следующие слова, выложенные мозаикой: «Sic ego non sine te, nec tecum vivere possum».*

Он понял их только к вечеру, когда перевел на греческий: «Так я не в силах жить ни без тебя, ни с тобой». Он был потрясен. Слова с мозаики были обращены к нему и говорили о его судьбе...

– Пустых садов я боюсь, потерянных в сердце моем, не зная путей, что могут к ним привести. Не я выбираю птиц, что на них слетятся, и память моя все старше, все дальше в прошлом томится она, и власти нет у меня, чтоб ее удержать...

Тогда ему открылось, что в человеке скорее всего стареет пот, а медленнее всего стареет душа. Его душа была по крайней мере на десять лет моложе тела... (Павич, 1997).

Энтимемно-фресочный способ осмысления мира М. Павича позволяет предположить появление/исчезновение частицы (звука, морфа, лексемы, символа) в данной точке пространства в заданный момент времени, в мире «олам» (мире Библии) – потоке временного свершения, несущего в себе все вещи, или мир как историю (Аверинцев, 1997). Мир как «олам» оказывается адекватно схваченным *через направленное во времени повествование, соотношенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом «А что дальше?»* (Аверинцев, 1997: 93). Внутри «олама» пространство дано в модусе временной динамики как «вместилище» необратимых событий. В точке появления частицы происходит синтез абсолютного и ограниченного. В производном мире, как считал Ф.В. Шеллинг, благодаря деятельности фантазии происходит сочетание абсолютного с ограниченным, воссоздание в особенном всей божественности всеобщего. Именно благодаря этому универсум оказывается населенным, из абсолютного как безусловного единства, начинает изливаться в мир жизнь, основным законом при этом признается принцип божественной имагинации (Шеллинг, 1999).

Принцип имагинации в произведениях М. Павича и Г. Петровича разложим на следующие концептуально-конструктивные протяженности: 1) сочетание абсолютного с ограниченным определяет уровень в иерархии равновесия славянской истории и является реакцией на среду фактов; 2) воссоздание универсума как мира фантазии, неповторимого в данном окружении (европейской дискурсивной формации), определяет принципы конструирования материи в славянской культуре; 3) пространственными измерениями мира являются основные деятельности неорганической природы (магнетизм, электричество, химизм); 4) временными измерениями мира следует признать чувствительность, возбудимость, производительную силу (вслед за Ф.В. Шеллингом); 5) существа в производном мире двигаются независимо: данное состояние может быть рекуррентно повторимым в данном окружении (этнической культуре), но неповторимым во всех других (фактических средах, или средах «положений дел»); 6) в производном мире устанавливается подлинно физическое отношение между предметами, т.е. интервал между событиями, когда в расчет не принимаются ни силы тяготения, ни электромагнитные силы; 7) история материи задается через события, рекуррентно повторяемые в произведениях художественной

культуры; 8) событие понимается как последовательность пространственно временных точек, имеющих друг к другу причинное отношение и формирующих предложение, являющееся выражением рефлектирующей мысли, задающей область пространства-времени или человеческой жизни.

Рефлектирующая мысль, разъединяющая и соединяющая, по Аристотелю (Аристотель, 1891) есть суждение, которое в славянской культуре есть результат реактивности отдельных участков континуума лексико-семантической славянской системы, характеризующейся постоянным изменением протяженности континуума и заменой одних членов другими, а также перераспределением функций.

Несколько проб рефлектирующей мысли из романа Горана Петровича «Атлас, составленный небом»:

Летняя болезнь

Тепло вызывает выделение через поры избытка жидкости, тело гораздо лучше понимает себя, движения делаются более определенными, взгляд твердеет, и кожа покрывается позолотой страсти.

Осенняя болезнь

Меланхолическая влага собирается где-то в недрах человека, а сам человек делается похожим на высокий лист, очень красивым, но и очень хрупким, и окружающие и он сам должны быть крайне внимательны к нему.

Зимняя болезнь

Все впадает в приятную дремоту воспоминаний или забвения, душа принимает округлые формы и становится похожа на мячик, которым можно играть, но который может погубить хозяина, застряв у него в горле.

Рефлектирующая мысль конструируется на основе процесса дезинтеграции лексико-семантических реалий, предполагающем разложение семантемы на не связанные между собой компоненты, причем подвергаемая воздействию реалія необязательно присутствует в ближайшем контексте и даже тексте. «Отметим, что полученные путем разложения элементы при вступлении в реакцию вовсе необязательно снова образуют первоначальные семантические реалии (такие элементы вообще не всегда могут вступать в реакцию между собой) и вовсе не во всех случаях соответствуют тем, которые ранее послужили исходными для получения соответствующей интегрированной единицы» (Маковский, 1980: 46–47). Рефлектирующая мысль представляет собой особый принцип формирования пространства – вкоренение, «вживление» вещи в

пустоту неопределенно-предельной целостности всего сущего, предполагающее наделение вещи ее пространством и ее временем, коррелятивно связанными с теми пространством и временем, «которые в физике свойственны осям, двигающимся вместе с телом» (Рассел, 2000: 254). Единицей исчисления бытия подобной системы, обнаруживающей себя через семантическое развертывание (или изменение протяженности) следует признать значимую форму, являющуюся определяющим свойством непонятного сознания и представляемую через комбинации линий, цветов, форм, объемов (Weits, 1956). Значимые формы в представленных языковых пробах: *позолота страсти, недра человека, округлые формы души, меланхолическая влага.*

Значимая форма есть форма особенная, вбирающая в себя сущность абсолютного в его цельности, универсум. В истинном универсуме для особенных частиц может быть место постольку, поскольку они вбирают в себя весь неделимый универсум, и, таким образом, сами суть универсумы (Шеллинг, 1999). Принцип оформления универсума (значимой формы) – имажинация, соединяющий три основные деятельности органической природы: чувствительность, возбудимость, производительную силу. Этот принцип позволяет создать особую историю материи – «универсумную», поскольку в универсумах представлены устойчивые части материи (Рассел, 2000), в которых действуют физические законы дедукции динамического процесса. Эти законы связывают то, происходит с какой-нибудь частью материи в один момент с тем, что с ней происходит в другой момент, тем самым они устанавливают границы тела, или границы действия общих и первоначальных сил притяжения и отталкивания. Эти законы коррелируют с принципом реального знания, в соответствии с концепцией П.А. Лаврова, утверждающего, что не все в действительности реально, т.е. совпадает с единством нашей собственной физико-психической личности. Реально то, что мы создаем, не находя противоречия ни в самом понятии создаваемого с прежде созданным. Феноменально то, что действительно только в нашем сознании, только психически (Лавров, 1861–1862). Реальность в славянской художественной культуре представляет собой встречу различных перспектив созерцания мира, или пространств пределов человеческого опыта, исследуя которые возможно объяснить особенности наследуемого механизма включения динамических законов и параметров эффективной открытой эволюции (Брайс, 1987).

Пространство пределов человеческого опыта наиболее очевидно представлено в романе «Атлас, составленный небом» Г. Петровича. Критик Ясмينا Михайлович, цитируемая Милорадом Павичем в его презентации романа, замечает: «Дом – главный герой романа «Атлас, составленный небом» – это, как сказал бы Башлар, волшебное пространство застывшего детства. Оно застыло так же, как застыла праистория. Дом населяют заговорщики духа, защищающие свое время, вечные юноши, доблестно сражающиеся за свою территорию – страну грез и мечты. Снаружи, за пределами дома, зияет бесплодная, всепоглощающая пустота. Книга борется с этим чудовищем пустоты. Кроме того, это каталог фольклорных мотивов сербского и других славянских народов, это миниатюрная антропологическая энциклопедия и справочник существующих и вымышленных растений, минералов, животных, предметов. И наконец, «Атлас, составленный небом» – это своеобразного рода манифест постмодернистского восприятия мира, человека, уставшего от обыденности и, следовательно, от политики» (Павич, 1997: 21).

Роман Петровича представляет собой ритуальный текст, накладываемый на ритуальную схему, которая, как считает М. Евзлин, «отвечает» за преобразование Хаоса в Космос, активизируется в связи с необходимостью периодического возобновления мирового цикла, обусловленной истощением биологических ресурсов на всех космических уровнях. Ритуальная схема Петровича трехчастна, в нее входит одномерная строка символов (номинация сегмента смысла, подвергающегося преобразованию), сноски (указание направления модификации когерентной логики), конструктивные части структуры душевной связи (линейная развертка обобщенно-геометрических конструкций, символически фиксирующих функции состояний интеллектуальной системы).

Сосредотачивая внимание на неэнтропийном процессе, Петрович исследует микросостояния мировой действительности, методом постижения и управления которой является онтологическая категория «логос». Фазовым пространством мировой действительности признается человеческий интеллект, который имеет определенные топологические инварианты глобальных траекторий составляющих ее элементов – материальных точек, напряженностей полей, квантовых состояний и т.п. (Акчурина, 2002). Основной составляющей мировой действительности для Петровича является «Галактика воображаемых точек». «Воображаемая точка – это крохотная исходная точка всех отсутствующих взглядов, исходная точка, от которой начинаются бескрайние фантастические просторы. Она есть у каждого человека, но

многие не в состоянии ее увидеть. Поэтому для них эти широкие просторы остаются навсегда недоступными. Для первых же, однако, пространства следуют одно за другим. По ним блуждают, исследуют их или просто пользуются ими для прогулки. Группы воображаемых точек составляют одноименную галактику, которая своими размерами превышает любую из известных до настоящего времени звездных систем» (По данным Энциклопедии *Serpentiana*, глава «Человек вне тела»). В языковых образованиях автор конструирует, точнее, реконструирует физическую основу обобщенной когерентной согласованности – топологический аналог спонтанного нарушения алгебраических симметрий движения: группы воображаемых точек превышают звездные системы; отсутствующий взгляд есть взгляд, не ничего не выражающий, а взгляд, не присутствующий в данное время в данном месте; в пространстве возможно не существовать, его возможно использовать, например, для прогулок. Формируемый топологический механизм передачи воздействий из будущего в прошлое предполагает изменение в настоящем топологических инвариантов «внешнего» пространства динамических систем, в частности, мировой действительности, с последующей модификацией теперешнего видимого «поведения», динамики (Акчурина, 2002). Схема подобной модификации, или генерирования организованного бытия, включает, в соответствии с концепцией Г. Петровича, следующие позиции: 1) определение точек, генерирующее организованное бытие; 2) расчет глобальных траекторий точек (*десять миллионов широких путей надежды; украшение пространства; творческое удовлетворение; тропа, которая соединяет землю и небо; уничтожение пустоты; коллективная фантазия; каталогизация небесными чернилами*); 3) выявление динамических переменных, характерных для данной ситуации («хаос-космос-хаос») (*счастливица; тщательно причесанные строчки; перевернутая карта; маленькая, но тем не менее большая полоса белого*); 4) определение физических величин, характеризующих систему (*водяная мельница существования; чур-чур; золотая жила, которая в данном случае является свинцовой; перекрещивание пространства*). По этой схеме возможно восстановить «тени» будущих состояний системы – мировой действительности, которые являются локальными топологическими условиями-требованиями, «которые должны всегда выполняться в бесконечно малых окрестностях любых реальных физических движений» (Акчурина, 2002: 43). Основной формой слова, необходимой для движений подобной схемы в коммуникационном процессе истории, является форма, содержащая неопределенную переменную,

«или пропозициональная функция» (Рассел, 2000). Форма слова становится высказыванием, когда переменной приписывается значение, т.е. одномерной строке символов приводится в соответствие указание направления модификации когерентной логики, отвечающей также и за формирование всякого устойчивого изображения.

Изображение Логоса, придание ему «видимости» и возможности созерцания в славянской художественной культуре предстает как телеологический процесс, толкуемый вслед за Э. Майром, как процесс, в котором конечное состояние является действующей причиной (Мамчур, 2002). Телеологическая детерминация обуславливает особенности построения художественного текста в славянской культуре и предполагает рассмотрение механических, пространственных положений тел (объектов) как особого континуального поля – конфигурационного поля (Акчурина, 2002) – поля непрерывных механических перемещений (смещений, «шевелений») тел друг относительно друга. Особую значимость обретает славянский этический код, особая семиотическая стратегия, по сути аналогичная комплементарному подходу к исследованию эволюции искусственных систем (Патти, 2002), соединяющая динамики искусственных сетей с функциональными динамиками сенсоров и активаторов в контакте с реальным физическим миром.

Литература:

- Аверинцев, А.А. 1997. *Поэтика ранневизантийской литературы*. Москва.
- Акчурина, И.А. 2002. Причины телеологические и формообразующие: первые шаги в рациональном понимании. В: *Причинность и телеологизм в современной естественно-научной парадигме*. Москва. С. 39–51.
- Аристотель. 1891. *Об истолковании*. Санкт-Петербург.
- Блохинцев, Д.И. 1980. *Пространство и время в микромире*. Москва.
- Брайс, Д.С. 1987. *Динамическая теория групп и полей*. Москва.
- Виноградов, В.В. 1945. *Великий русский язык*. Москва.
- Гоффманова, Я. 2002. Контакты и столкновения различных культур в интертекстах постмодерна. В: *Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*. Москва. С. 394–407.
- Кулаковский, П. 1882. *Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе*. Москва.
- Лавров, П.А. 1861–1862. Антропоцентрическая точка зрения в философии. В: *Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами*. Т.5. Санкт-Петербург.
- Маковский, М.М. 1980. *Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике*. Москва.

- Мамчур, Е.Н. 2002. Причинность и рационализм. В: *Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме*. Москва: Наука. С. 5–22.
- Павич, М. 1997. О Горане Петровиче, травинке из рукописи и нездешних мечтах. В: *Иностранная литература*. № 6.
- Павич, М. 1997. Шляпа из рыбьей чешуи. В: *Иностранная литература*. № 1.
- Павич, М. 1999. Дамаскин (Новелла для компьютера и плотничьего циркуля). В: *Иностранная литература*. № 10.
- Патти, Г. 2002. Причинность, контроль и эволюция сложности. В: *Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме*. Москва: Наука. С. 137–154.
- Петрович, Г. 1997. Атлас, составленный небом. В: *Иностранная литература*. № 6.
- Рассел, Б. 2000. *Человеческое познание: его сфера и границы*. Москва.
- Тош, Дж. 2000. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Москва.
- Шеллинг, Ф.В. 1999. *Философия искусства*. Москва.
- Weits, M. 1956. The Role of Theory in Aesthetics. In: *Journal of aesthetics and Art Criticism*. Vol. 15.